

Цзи Саньмэй обернулся и, едва улыбнувшись гостю, чьи черты даже в темноте казались непропорциональными, смахнул слезу. Взгляд его сиял, словно весенний цветок.

Если бы не заоблачная стартовая цена, Цзи Саньмэй не стал бы так стараться.

Вдалеке Чанъань, которого Цзи Саньмэй в мыслях обозвал простофилей, всё ещё задумчиво смотрел на ребёнка на сцене. Казалось, его мучила жажда — он украдкой облизнул губы.

Рядом с ним стоял юноша с мягкими, приятными чертами лица. Глаза его сияли, как звёзды, кожа была светла, как луна, а в уголках губ и взгляде таилась вечная улыбка, способная утопить кого угодно в океане неги. Но приглядевшись, можно было уловить и лёгкую насмешку.

Его звали Ван Чуаньдэн. Сегодня он прибыл в Юньян с губернатором — истреблять яо. Тот отправился по делам, велел ему не сопровождать себя. Ван Чуаньдэн, не зная, куда деться, решил прогуляться с Чанъанем. И стоило ему на миг отвлечься, как невежда Чанъань развязал язык и наговорил с три короба.

Ван Чуаньдэн, вслед за Чанъанем, устремил взгляд на сцену и нарочито спросил:

— Так сильно хочешь его?

Чанъань указал на себя:

— У меня есть деньги.

А затем на Цзи Саньмэя:

— Он красивый.

Доводы были железными. Уголки губ Ван Чуаньдэна дрогнули в ещё более глубокой улыбке:

— Понял. Чанъань хочет себе детскую невесту.

Он погладил подбородок:

— Ладно, на этот раз угощаю я.

Не дав Чанъаню опомниться, Ван Чуаньдэн поднялся:

— Номер шесть. Пятнадцать тысяч лян.

Цзи Саньмэй на сцене, изо всех сил строивший из себя красавца, лишь молча наблюдал.

К счастью, мужчина средних лет, тоже приметивший Цзи Саньмэя, не уступал в решимости:

— Шестнадцать тысяч лян!

Женщина, соблазнённая Цзи Саньмэем, сняла с запястья нитку нефритовых бус и швырнула её на сцену, взвизгнув тонким голосом:

— Семнадцать тысяч лян!

Ван Чуаньдэн даже глазом не моргнул:

— Двадцать тысяч.

Мужчина был отпрыском семьи Чжу — одной из богатейших в Юньяне. Отец, обожавший единственного сына, к тридцати годам того почил, оставив ему все богатства и поместья. Молодой господин Чжу славился любовью к мальчикам, особенно к юным. Цзи Саньмэй пришёлся ему по вкусу как нельзя лучше, да ещё и сулил в будущем стать красавцем, сводящим с ума. Ради такого «уникума» он был готов потратить целое поместье и вступить в схватку с Ван Чуаньдэном.

— Двадцать пять тысяч.

Ван Чуаньдэн ответил не задумываясь:

— Тридцать тысяч.

Женщина, бросившая бусы, стиснула зубы:

— Тридцать одна тысяча.

Цена достигла небес. Хозяин невольничьего рынка в ужасе посмотрел на Цзи Саньмэя, пытаясь понять, что в этом ребёнке стоит тридцати тысяч лян.

Остальные притихли, на лицах у них выступил румянец.

Больше никто не решался при Ван Чуаньдэне и Чанъане толковать о том, кто чего стоит.

Ван Чуаньдэн сел, небрежно закинув ногу на ногу:

— Пятьдесят тысяч лян.

Женщина с бусами дрогнула губами, но промолчала.

На лбу молодого господина Чжу выступил пот. Он достал платок, вытер лоб и после долгой паузы сквозь зубы выдавил:

— Шестьдесят тысяч.

Словно три отточенных кинжала вырвались из ножен. Было видно, что он готов был содрать с Ван Чуаньдэна кожу по слову.

Цзи Саньмэй нахмурился.

Ему всё больше казалось, что голос того гостя звучит знакомо. Но он не мог быть уверен, пока тот не назовёт цену снова, чтобы услышать его отчётливой.

Ван Чуаньдэн, не обращая внимания, уже собрался поднять ставку, как вдруг чья-то рука легла ему на плечо сзади — тихо, но властно.

И тогда в зале раздался низкий, насыщенный голос:

— Сто тысяч лян. Все рабы на сцене — мои.

Цзи Саньмэй не выдержал, резко вскочил, заставив цепь на шее звенеть.

Он слишком хорошо знал этот голос.

Он всегда был таким — с лёгкой хрипотцой и влажностью. И едва он прозвучал, мысли Цзи Саньмэя очистились, остался лишь этот голос, звучащий в голове снова и снова.

Молодой господин Чжу больше не сдержался. Он вскочил и резко обернулся:

— Кто смеет отбирать у меня людей?!

Человек из темноты приближался медленно, шаги его были бесшумны, лишь равномерный стук посоха отдавался всё ближе и ближе.

Тук. Тук. Тук.

Колокольчик на посохе звенел чистым, леденящим звоном. Цзи Саньмэй почувствовал, как дрогнул его маленький кадык. Хозяин рынка уже покрылся холодным потом, боясь, что почтенные гости сцепятся. Собравшись с духом, он спрыгнул со сцены и направился к гостю из темноты, пытаясь замять ссору:

— Что же это за дела...

Но, разглядев лицо гостя, он застыл как вкопанный, и язык его начал заплетаться:

— Шэнь... Шэнь... Шэнь Фаши?

Молодой господин Чжу, полный ярости, услышав это обращение, исказил лицо и не посмел сделать ни шагу вперёд.

Шэнь Фаши, держа в левой руке магический посох, медленно вышел из тени и спокойно произнёс:

— Если несогласны, зажгите благовоние.

Хозяин рынка онемел, пот лил с него ручьями.

До Шэнь Фаши в Юньяне не было обычая зажигать благовония на аукционах.

Пять лет назад на одном из официальных торгов Шэнь Фаши явился, зажгёт благовонную палочку и объявил: пока она горит, любой может назвать цену, и как бы высока она ни была, он заплатит больше.

Все знатоки помнили: тогда продавалась лишь поношенная золотая нефритовая курительная трубка. Никто не мог понять, почему Шэнь Фаши так за неё держался.

Увидев, что молодой господин Чжу отступил, хозяин рынка с облегчением вздохнул и махнул рукой ведущему. Тот, бледный как полотно, постучал молотком:

— Сто... сто тысяч лян серебром. Продано!

В зале воцарилась гробовая тишина.

Шэнь Фаши повернул голову, но взгляд его скользнул мимо прочих приобретений и приковался к одному лишь Цзи Саньмэю.

Цзи Саньмэй был единственным ребёнком, что стоял. Он смотрел на Шэнь Фаши, словно пытался прожечь его взглядом насквозь.

Шэнь Фаши слегка нахмурился. В груди его расплзлось странное чувство.

Цзи Саньмэй тоже потерял всякое ощущение реальности, поэтому не заметил, как третий ребёнок, что должен был быть продан, позеленел, а взгляд его, устремлённый на Шэнь Фаши, наполнился ужасом. Через мгновение ужас этот переродился в безумие.

И тогда ребёнок резко запрокинул голову и издал пронзительный вопль.

Из прекрасных черт его лица вырвалась уродливая тень, создав жуткий двойной лик — красивый и безобразный, человек и демон.

Едва раздался крик, все свечи в зале погасли.

Аукционный зал погрузился в пугающую тьму.

Страх смерти часто пропорционален богатству. В миг перемен в зале взорвались крики, грохот опрокидываемых столов и стульев, топот ног.

Одно слово молнией пронеслось в голове Цзи Саньмэя:

Мэй.

Мэй — демоны-практики, бесформенные и без запаха, что питаются людьми: оставляют кожу, пожирают плоть, занимают тела...

Он успел вспомнить лишь это, потому что в следующее мгновение холодный предмет упёрся ему в горло.

Кожа ребёнка была чувствительной. Он ясно ощутил остроту лезвия и мудро решил не сопротивляться.

Мальчик со слезинкой-родинкой, тоже оставшийся непроданным, сидел ближе всех к Цзи Саньмэю. К тому же он отлично видел в темноте. Увидев, как тень метнулась, разбила оковы на шее Цзи Саньмэя и приставила осколок цепи к его горлу, он содрогнулся.

Во тьме Шэнь Фаши усмехнулся и уже собирался зажечь свечи, как со сцены донёсся пронзительный детский голос:

— Цзи Саньмэй!

Взгляд Шэнь Фаши резко сузился, пальцы его застыли в воздухе.

<http://bllate.org/book/16281/1466065>